

Станислав Стратиев

Опустелый дом

Станислав Стратиев

Опустелый дом

www.stanislavstratiev.org

Опустелый дом

© Станислав Стратиев, 1999. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2014. Все права защищены.

Перевод с болгарского Валентина Полянова.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр.

Жан Поль.

Ния.

Владимир.

Комната в панельной квартире. В холле никого. Книжный шкаф, картины, шкафчик с дверцами, украшенными резьбой, на нем – телефон, снабженный автоответчиком. В соседней комнате – спальне – Александр держит на плечах одну из панельных стен. На ней фотографии: свадьба хозяев, их сын на военной службе, дочь в день выпускного бала... Отвесом свисает зеркало. На противоположной стене висит гобелен ручной вышивки лицевой стороной к стене: видны узелки, концы цветных ниток. Александр подобно мифическому атланту держит на плечах панельную стену, которая откололась от других стен и не падает исключительно благодаря ему.

АЛЕКСАНДР. Спокойно!.. Без паники!.. Холодный анализ – вот что необходимо!.. Только факты!.. А факты каковы?.. Сижу я на кухне, завтракаю... завтракаю самым обычным образом, как вдруг из спальни слышится громкий треск. Бросаюсь туда и вижу, что одна стена откалывается. Я смотрю не веря своим глазам, а она начинает отделяться от пола... Я, естественно, подобрался снизу подставил под нее спину. Вот и все... *(Пауза.)* Во-первых, эта панель может меня раздавить, а во-вторых, мне из-под нее не выбраться. Слишком далеко протиснулся... под самую середину. Со мной всегда так, с самого детства: сперва влипну, а думаю потом... Когда и думать-то уже нет смысла... *(Пауза.)* Впрочем, что толку болтать зря, главное, что если я не буду поддерживать эту панель, она упадет. А где гарантия, что вслед за ней не начнут падать и остальные стены?.. Они же сцеплены одна с другой... А если обрушится спальня, то не рухнет ли вслед за ней и кухня, а потом холл и все остальное?.. И где гарантия, что после моей квартиры не обрушатся этажи сверху, потом снизу, не обвалятся соседние подъезды, а за ними – весь дом?.. Такой гарантии нет. А это никуда не годится, когда никакой гарантии ни в чем нету. Всякое

может случиться, и, к сожалению, случается. Вот придавит меня плита, как таракана, тогда сколько хочешь ломай голову над тем, как тут быть. В этой квартире жили два поколения, одно было зачато вот на этом ложе, я уж не говорю о том, что одно из этих двух поколений не жило, а прозябало ради того, чтоб обзавестись собственным жильем... И если эта панель рухнет, то пусть лучше похоронит меня под собой... Но нет, я буду держаться, буду подпирать ее, пока не придет с работы жена!.. Была не была!.. *(Пауза.)* В сущности, что мне еще остается... У меня, можно сказать, нет выбора... Убежать невозможно, кричать – никто не услышит... А если и услышит, то не придет... Теперь уже никто не обращает внимания на разговоры и на крики за стеной... В свое время мы, новоселы, вскакивали, слышав любой шум и выбегали на каждый крик... А сейчас – даже если атомная бомба упадет на квартиру соседей... Кричать абсолютно бесполезно, только растрочу силы, которые мне так нужны... Потому что эта тяжесть... *(Пауза. Александр пытается насколько это возможно приладиться поудобнее, двигает плечами, вытирает рукой пот со лба.)* Что-то я начал потеть, и колени дрожат... Ноги у меня всегда были крепкие, надеюсь, и сейчас не подведут... У отца тоже были крепкие ноги... И у деда... В нашем роду на ноги никто не жаловался, это меня всегда впечатляло... *(Пауза.)* Конечно, лучше бы упала другая стена... та, возле которой телефон... подпирая ее... я бы мог позвонить... кого-нибудь позвать ... Так нет – упала эта, и мне до телефона не добраться... Я всегда был неудачником... Никогда не выигрывал в лотерею, ничего не получал просто так, без труда, чтобы упало с неба... Работаю как вол, из кожи вон лезу, а результаты-то при самом добром желании не назовешь блестящими... Но все же с горем пополам жилось. Но если уж стены

начинают падать, то... Я не жалуясь, ни в коем случае, просто думается, что это уж слишком... Просто я бы не сказал, что судьба меня балует... Это не жалобы, а трезвый взгляд на вещи... как бы это сказать... осознанная реальность... И не бунт... вовсе нет... Предполагаю, что так должно было случиться. Требовалась случайность. Или случайная закономерность. Где-то так выпали карты. Судьба. Я не ополчаюсь на судьбу, ни в коем случае... Я не из тех... кто привык везде и всюду жаловаться на судьбу, проклинать и тому подобное... Наоборот, я верю в предопределение... Это не означает готовность плыть по течению, нет... я и не плыву... Просто я доверяю судьбе и отдал себя ей в руки... (Пауза.) Тем более, что сделать уже ничего не могу. Ни что-нибудь подсунуть, ни чем-то подпереть, ни надставить, ни прибить, ни приспособить... Шагу не могу ступить!.. Стою под этой плитой, как таракан, и жду, когда она меня раздавит!.. Ничего не скажешь – перспектива хуже некуда!.. (Пауза.) А панель-то вроде становится тяжелее... Чувствую, как размякаю... Не превращает ли меня такая тяжесть постепенно в сплошное месиво, или я себе это внушаю?.. Черт возьми, сижу себе на кухне, спокойно подкрепляюсь, а... всего через минуту я уже очутился панелью, на грани жизни и смерти!.. И это называется жизнь!.. (Пауза.) Да, настал момент, именно сейчас подоспел момент!.. Расплачься, распусти нюни, посетуй на злую участь, авось поможет!.. Или же – плюнь на волю судьбы!.. А там будет видно!..

В холле, который всего одной стеной отделен от спальни, где находится Александр, звонит телефон...

ГОЛОС (*из телефонного автоответчика*). Саш, я нашла подходящий ковер, но у меня мало денег. После работы зайду в банк, сниму. Звоню, чтоб ты знал и не волновался!..

АЛЕКСАНДР (*кричит*). Нет! Нет! Иди домой, сразу!.. (*Телефонный автоответчик выключается.*) Господи, она пойдет деньги снимать!.. А я пропадаю! Самый близкий мне человек!.. Мать моих детей!.. Чтоб не волновался!.. Я тут с ума сойду, а она: "чтоб не волновался"!.. Нет, дорогая, я не буду волноваться, разве трупы волнуются!.. (*Пауза.*) Ну вот, не успел открыть рот, чтоб пожаловаться, как судьба тут же наказала меня... Спасение откладывается... (*Пауза.*) А может, сын неожиданно вернется... правда, он ушел всего полчаса назад... Но с ним такое может случиться, как пить дать... Всегда был непредсказуем... с малых лет... такой уж характер... Да, славный парень... Поставил себе целью пройти по канату над Ниагарским водопадом... Я его понимаю: у каждого человека есть мечта... Хотя для меня, признаюсь, это как-то неожиданно – все-таки он учится на инженера. ... Именно там, над водопадом, на середине пути он надеется встретить себя... Только там... в другом месте не получится... В этом, безусловно, нет ничего плохого, но все дело в том, что встреча эта может и впрямь не состояться... при сильном ветре... мне просто страшно об этом думать... Да, молодежь преподносит сюрпризы – нравится нам это или нет... Ни о чем подобном я бы не посмел мечтать... (*Пауза.*) Ох, уж эта проклятая плита!.. (*Делает попытку приспособиться поудобнее к тяжелой ноше.*) Вся кожа на плечах стерта!.. Черт побери, лучше бы отвалилась стена с гобеленом!.. Раз уж провидению пришло в голову любой ценой что-то разрушить!.. Тогда бы и этот гобелен на что-нибудь сгодился, хоть раз!.. Я бы постелил его на спину!.. А то висит

лицом к стене до очередного прихода моей мамы!.. Тогда мы его переворачиваем, чтоб она не обиделась!.. Напоследок мама приходит очень редко!.. Торгует на площади гобеленами... которые вышивает сама!.. Не продала ни одного, но это ей не мешает фабриковать по несколько штук в месяц... И не продаст, ну кто купит гобелен, на котором вышиты Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин?!.. Сколько мы ни уговаривали ее поменять сюжет – все напрасно... С школьных лет вышивает вождей... потом этим зарабатывала на хлеб: обучала школьников и даже в выставках участвовала... в ГДР... Так и не смогла отвыкнуть... Рука сама двигается, вышивает по памяти... С таким бизнесом вряд ли разбогатеет, но это помогает ей быть в форме... поддерживает ее... Ну почему бы ей не прийти сейчас, помогла бы сыну... Если придет, то, честное слово, повешу один из ее гобеленов... в холле... И не буду переворачивать!.. *(Пауза.)*

В эту минуту в холле появляется мужчина, назовем его Жан Поль Сартр. Он передвигается бесшумно, озираясь, обследует обстановку... Нечаянно толкает вазу, ваза падает. Александр в спальне слышит шум.

АЛЕКСАНДР *(радостно)*. Мама!.. Как ты узнала?! О, дорогая, ты опять толкнула вазу!.. Это так на тебя похоже... Оставь ее, иди сюда, в спальню, а то меня придавило панелью, не сойти с места!.. Подпираю ее уже минут двадцать!.. *(Жан Поль Сартр застыл на месте. Пауза.)* Мама!.. Ну, иди же, я не собираюсь выговаривать тебе за вазу!.. *(Пауза.)* Плюнь на черепки!.. Иди, я больше не выдерживаю, слышишь? Панельная плита откололась и лежит у меня на спине!!!!.. Того гляди – раздавит!.. Ты слышишь?!.. Мама!..

ЖАН ПОЛЬ. Это не она.

АЛЕКСАНДР. Как – не она?!.. А кто тогда?!..

ЖАН ПОЛЬ. Что бы я ни ответил – совру.

АЛЕКСАНДР. Что за ерунда?! Кто вы такой?! И что делаете в моей квартире?!!

ЖАН ПОЛЬ. Зашел кое-что присвоить.

АЛЕКСАНДР. Что-о??!

ЖАН ПОЛЬ. Но, как вижу, тут дело швах. *(Достает из книжного шкафа книги, листает их, встряхивает, чтоб выпали спрятанные в них деньги.)* Не повезло – как всегда. Вечно натываюсь на тех, кто тратит деньги на книги... А, вот... малая пластика...

АЛЕКСАНДР. Мне ее подарили.

ЖАН ПОЛЬ. Покупали бы лучше технику: видео, кинокамеры... Так нет, тратят деньги на книги, на всякую ерунду... *(Разговаривая, он открывает дверцы шкафа, роется там, заглядывает за шкаф, под шкаф, выстукивает паркет, проверяет все места, где могут быть спрятаны ценные вещи.)* Европейец приобрел бы драгоценности... золотые часы... установил бы сейф... хотя бы вот под этой картиной *(приподнимает картину, осматривает стену и пренебрежительно опускает картину)* набитый уникальными монетами... ценными почтовыми марками... И стоят дорого, и нести удобно... А уж если не способен тратить деньги с умом, то лучше откладывай, чем транжирить... Обращай в валюту... прячь в надежном месте... скажем, вот здесь... *(Достает из кармана тонкий металлический стержень и начинает ковырять в большом цветочном горшке с фикусом.)* Или на балконе... *(Заглядывает и туда.)* Нет!.. *(Пауза.)* Тупой народ! Это неумение жить нас погубит... Ну можно ли затрачивать семьдесят

четыре процента всех доходов на еду?! Какой еще народ готов спустить все лишь бы только нажраться?!.. Полное отсутствие культуры, вот о чем речь!.. Это может привести в отчаяние самого стойкого оптимиста!.. Вот, опять разволновался!.. *(Меряет пульс.)* Мало того, что страдаю анемией, нехваткой железа... Я должен сесть!.. *(Садится в кресло и закуривает.)* Лучше буду думать о другом!.. *(Курит. Пауза.)*

АЛЕКСАНДР *(из спальни)*. Дай сигарету!..

ЖАН ПОЛЬ. Исключено.

АЛЕКСАНДР. Почему?

ЖАН ПОЛЬ. Ты меня увидишь.

АЛЕКСАНДР. Я очень слабый физиономист.

ЖАН ПОЛЬ. Так я и поверил.

АЛЕКСАНДР. Честное слово. Бывает, увижу себя в зеркале и думаю:

"А этого я вроде откудато знаю... кто он?"

ЖАН ПОЛЬ *(отрицательно мотает головой)*. Этот номер не пройдет!.. *(Пауза.)*

АЛЕКСАНДР. У тебя найдется шпагат?

ЖАН ПОЛЬ. А если найдется, то что?

АЛЕКСАНДР. Почему бы тебе не привязать к коробочке спичек сигарету и не бросить мне? Можешь не показываться... просто брось сюда – и все...

ЖАН ПОЛЬ. С какой стати?

АЛЕКСАНДР. Тебя, может, тоже когда-нибудь жизнь припрет в угол...

ЖАН ПОЛЬ. Насколько я понимаю, жизнь тут ни при чем, ты сам припер себя в угол.

АЛЕКСАНДР. А что было делать? Смотреть, как мой дом распадается, будто карточная колода?.. Без дома – куда деваться?

ЖАН ПОЛЬ. Ладно. *(Достает из кармана шпагат, привязывает пачку сигарет и спички, подходит к притолоке открытой двери в спальню и, размахнувшись, бросает конец шпагата с "посылкой".)* Что, попал?

АЛЕКСАНДР. Немного правее. На метр двадцать.

ЖАН ПОЛЬ. Интересно, как ты определил эти двадцать сантиметров?! Но я ведь ориентируюсь только по голосу... *(Подтягивает к себе "посылку" и делает вторую попытку.)* А теперь?..

АЛЕКСАНДР. Теперь... бли... бли... *(Из последних сил старается дотянуться ногой до "посылки", в конце концов это ему удается.)* Достал!.. Очень тебе благодарен!..

ЖАН ПОЛЬ. Сигареты и спички можешь оставить себе. А шпагат отвяжи.

(Пауза, оба курят.)

ЖАН ПОЛЬ. И долго ты будешь подпирать?

АЛЕКСАНДР. Пока не вернется жена. Или дети.

ЖАН ПОЛЬ. А когда они вернутся?

АЛЕКСАНДР. Может, в любой момент, а может, и к вечеру. Кто их знает.

ЖАН ПОЛЬ. Не хочу тебя огорчать, но так можно превратиться в таракана.

АЛЕКСАНДР. Что ты этим хочешь сказать?

ЖАН ПОЛЬ. Гарантии дать не могу, но человек не может находиться под таким нажимом без последствий. Организм обязательно претерпит изменения, разве не так?

АЛЕКСАНДР. Я знаю одно: уж если кому-нибудь суждено пережить подобное, то это буду я. Наверняка. Как пить дать. Со мной всегда так.

ЖАН ПОЛЬ. Ничего, станешь немного приплюснутым... что тут такого... может, это и к лучшему... Вот таким махоньким...

(Показывает на пальцах размеры таракана.)

АЛЕКСАНДР *(упавшим голосом)*. Чтобы залезть на стул, придется карабкаться с полчаса!..

ЖАН ПОЛЬ. Но в этом есть и хорошая сторона...

В эту минуту раздается звонок телефона, который не умолкает долго...

АЛЕКСАНДР. Может, снимешь трубку?

ЖАН ПОЛЬ. Нет.

АЛЕКСАНДР. Впрочем, извини!.. *(Включается телефонный автоответчик. Пауза.)*

ГОЛОС. Саш, я решила не ходить в банк. Лучше вернусь домой и возьму те триста долларов, которые...

АЛЕКСАНДР *(кричит)*. Замолчи! Не говори!..

ГОЛОС. ...в маленькой статуэтке. Так что не беспокойся, когда увидишь, что она пуста!.. *(Автоответчик выключается. Пауза.)*

ЖАН ПОЛЬ. Я бы, конечно, и сам проверил эту статуэтку, но все же так не честно. Скрывать от меня...

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ *(переворачивает статуэтку, достает из нее доллары, пересчитывает)*. Звонила твоя жена, так ведь?.. *(Александр молчит.)*

Здесь не триста!.. (*Пересчитывает еще раз.*) Двести шестьдесят!.. Кто-то тебя обворовывает!..

АЛЕКСАНДР. Чья бы корова мычала!!..

ЖАН ПОЛЬ. Я просто тебя информирую. Кто владеет информацией, тот владеет положением.

АЛЕКСАНДР (*с горечью*). Потрясающе владею!..

ЖАН ПОЛЬ. Не вечно же ты будешь торчать под этой панелью. Все же когда-нибудь... как-нибудь... в каком бы то ни было виде...

АЛЕКСАНДР (*молчит*).

ЖАН ПОЛЬ. Да ты не падай духом.

АЛЕКСАНДР. Вместо того, чтобы давать советы, лучше иди сюда – поддержи плиту! А я найду чем ее подпереть!..

ЖАН ПОЛЬ. Предпочитаю давать советы.

АЛЕКСАНДР. Сделай со своим советом знаешь что?! Засунь его...

ЖАН ПОЛЬ. Не понимаю, отчего ты становишься таким раздражительным. Скоро придет твоя жена, и все утрясется. Это мне следует быть раздражительным: уйду ни с чем. Какие-то жалкие двести шестьдесят долларов!..

АЛЕКСАНДР. Для тебя, может, и жалкие, а для меня...

ЖАН ПОЛЬ. Удивительное дело – человек!.. Пару минут назад был ни жив ни мертв, и вот уже помышляет о деньгах!..

АЛЕКСАНДР (*в ярости*). И ты еще смеешь рассусоливать о человеке!!!.. Ты, кретин несчастный!..

ЖАН ПОЛЬ (*с обидой*). А ты... ты кем себя возомнил?.. Прикованным Прометеем?

АЛЕКСАНДР. Во всяком случае я не обворовываю людей, придавленных панельными плитами!.. Из тебя даже вор какой-то ненормальный!

ЖАН ПОЛЬ. А ты – нормальный?! Ну какой нормальный человек сам себя засунет под панель?! И кто нормальный будет подпирать ее целый день?!

АЛЕКСАНДР. Имейся у тебя хоть капля морали, ты бы понял и сам, зачем я подпираю!..

ЖАН ПОЛЬ. Квартира, видите ли, обрушится!..

АЛЕКСАНДР. Не только моя! А если целый этаж? Подъезд?! А весь дом?!..

ЖАН ПОЛЬ (*насмешливо*). ...весь город.

АЛЕКСАНДР. Знаешь, что? Вот возьму и сделаю вид, что тебя нет. Буду думать, что ты – продукт моего воображения, навязчивая мысль. И начну думать о другом!..

ЖАН ПОЛЬ. А! Спрячешь голову в песок!..

АЛЕКСАНДР. Тебя уже нет. Я думаю о другом.

ЖАН ПОЛЬ. Ты просто депрессивный тип!..

АЛЕКСАНДР (*молчит*).

ЖАН ПОЛЬ. Я знаю: ты ни о чем не думаешь.

АЛЕКСАНДР. Ну а ты – всего лишь видение. Мираж.

Не успел Жан Поль сказать что-либо в ответ, как зазвонил телефон. Он звонил долго. Александр и Жан Поль молча ожидали включения автоответчика. И он включился.

ГОЛОС. Саш, в сущности, я решила, что нет смысла сейчас идти домой. Лучше займу денег у Лоры, она живет в двух шагах. Ты не беспокойся, что я задерживаюсь. Ковер чудесный, только бы удалось купить... *(Автоответчик выключается. Пауза.)*

ЖАН ПОЛЬ. Как говорится, положение не лучше международного.

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ. Но ты не отчаивайся.

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ. Бывают случаи и похуже.

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ. Наши панели – из самых легких. В них не кладут каких-то там компонентов. Вот если бы это была немецкая плита...

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ. Ну что такого, лучше, может, и не стало, но хуже ведь тоже не стало. На практике твое положение не осложнилось. Знаешь, какое множество людей мечтает, чтоб ничего не менялось?..

"Остановись, мгновенье, ты прекрасно!" ...

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ. Не падай духом. Выдюжишь. Мы нация выносливая.

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ. По сути вся наша история – сплошная выдержка и долготерпение. И мы все выдержали.

АЛЕКСАНДР *(молчит)*.

ЖАН ПОЛЬ *(констатирует)*. Налицо – первая фаза: утрачен говор. Затем появятся щупальцы, хоботок, твердые крылышки. Если ты из летающих.

АЛЕКСАНДР (*кричит*). Пошел вон, чертов мародер!.. Бери что хочешь и – проваливай!..

ЖАН ПОЛЬ. Понимаю: тебе тяжело, но это не дает права меня оскорблять...

АЛЕКСАНДР. Замолчи!.. Закрой свою пасть!..

ЖАН ПОЛЬ. Ты, может, думаешь, что я купаюсь в счастье, занимаясь этим делом?.. Что я на седьмом небе?.. Должен признаться: делаю это без желания. И никакого удовольствия не испытываю, нет... Прямо скажу – это меня не удовлетворяет, ничуть... Мне бы хотелось приносить людям вести, чтобы все они были добрые!.. Такая была у меня в детстве мечта!.. Герольд, глашатай добрых вестей!.. Я всегда хотел быть таким!.. Но потерпел крах. Мог кое-чего добиться, мог справиться... А теперь я битый... Ты обворован, но битый-то я... побежденный я...

АЛЕКСАНДР. А я – победитель, так что ли?

ЖАН ПОЛЬ. Ты тоже побежден, мы все побеждены... Поколение битых...

АЛЕКСАНДР. Откуда ты знаешь, из какого я поколения?

ЖАН ПОЛЬ. Ты вот держишь на плечах панельную плиту... Значит, ты, друг, из моего поколения...

АЛЕКСАНДР. Ерунда!..

ЖАН ПОЛЬ. Дети в университете, книги на полке, триста долларов в статуэтке – тут нет ошибки, ты из моего поколения, друг...

АЛЕКСАНДР. Никакой я тебе не друг!...

ЖАН ПОЛЬ. Мы недостаточно главные, недостаточно современные, недостаточно выдающиеся, но в то же время – не совсем отсталые, вот какие мы с тобой, друг...

АЛЕКСАНДР. Ты всегда обворовываешь друзей?

ЖАН ПОЛЬ. Я не вкладываю ничего личного, это всего-навсего бизнес. Почему бы нам не быть друзьями?

АЛЕКСАНДР. Тогда позвони моей жене, друг. Скажи, чтобы через секунду была здесь.

ЖАН ПОЛЬ (*отрицательно качает головой*). Это бессмысленно. Твоя жена сейчас у Лоры, потом будет бегать по городу в поисках ковра... Хочешь – поверь. Впрочем, назови номер, я звякну... (*Все это он произносит унылым голосом, с внезапно появившейся горечью.*)

АЛЕКСАНДР. Я не знаю номера телефона Лоры... Я вообще ее не знаю... Позвони в полицию!.. В пожарную!.. Кто-то же должен приехать!..

ЖАН ПОЛЬ. Смотря правде в глаза, друг, скажу: никто не придет. И ты знаешь это не хуже меня. Ну что я им скажу: здесь одному человеку тяжело? Он держит на спине панельную стену. Если они сразу не бросят трубку, то посмеются. Мне не хочется тебя тревожить, друг, но дети твои тоже не придут. Я это знаю, да и ты знаешь... Приходят одни незваные... вроде меня... Как в античной трагедии – нас постигает то, чего мы меньше всего желаем.

АЛЕКСАНДР. А ты изрядно начитан для своей профессии.

ЖАН ПОЛЬ (*с грустной улыбкой*). Что такое профессия, друг мой, у нас у всех одна профессия – мы люди... Но мало кто в ней преуспел... Профессия – нечто относительное: сегодня одно, завтра – другое... Завтра я могу оказаться на твоем месте, а ты на моем...

АЛЕКСАНДР. Но это завтра!.. Завтра ты уже будешь гоняться за мной с шлепанцем в руке под столом, чтобы меня раздавить!..

ЖАН ПОЛЬ. Должен тебе сказать, что я люблю тараканов. Их аскетизм. Стоицизм, с которым они все переносят – ведь их никто не любит... Ко всему прочему, они интеллигентны...

АЛЕКСАНДР (*невольно*). И я слышал...

ЖАН ПОЛЬ. Это чистая правда. А еще должен тебе сказать: я тоже прижат... И притом мой груз гораздо тяжелее твоего... неизмеримо тяжелее...

АЛЕКСАНДР. И что же тебя гнетет?

ЖАН ПОЛЬ (*печально*). Нет ни славы, ни вечности, все то, что было дано, никогда к тебе не вернется, все, что уплыло из рук, потеряно навсегда... Жизнь – непрерывные и безвозвратные потери... Нет ни утопии, ни альтернативы... назови мне плиту тяжелее этой... И быть вечно под ней... Я было хотел и телефон твой прихватить, да что-то на меня напала меланхолия, просто вот нахлынула и уже ничего не хочется делать, жить и то не хочется... Напоследок все чаще со мною такое случается.. Пойду-ка я, лучше лягу... закрою глаза... А ты держись, ничего другого не могу сказать!.. (*Идет к выходу.*)

АЛЕКСАНДР. До свидания!..

ЖАН ПОЛЬ. Будет лучше, если оно не состоится, друг... для нас обоих! (*Уходит.*)

АЛЕКСАНДР. Черт возьми, как все перемешалось, уж и не поймешь, кто к тебе заявился – грабитель или Жан Поль Сартр... который ворует... (*Пауза.*)... В интересах истины, насчет тараканов он прав – эти твари интеллигентны... И, если задуматься, – то не так уж антипатичны... (*Пауза.*) Впрочем, поддаваться таким настроениям не следует – того гляди и впрямь вырастет хоботок... (*На всякий случай ощупывает нос.*) И еще в одном он оказался прав: никто не приходит...

Никто из самых близких... ни жена... ни дети... ни собака... Для чего мне нужен этот пес, если не для подобных случаев... И нюх-то у него хоть куда, и опасность чувствует, и по зову инстинкта мчится на помощь... Как бы не так!.. Небось, попрошайничает сейчас на автобусной остановке, а про меня и не вспомнит... Сказать, чтоб голодал, – так нет же, с голоду не подыхает... Известное дело, мы его не перекармливаем, времена-то нынче трудные, но голодным не держим... ни в коем случае... А он выбегает из дому с самого утра и бежит на автобусную остановку клянчить... Притворяется хромым... Просто ужас, как ковыляет на трех лапах, сердце разрывается на него глядя... Будто у него на самом деле перебита лапа, в глазах – и слезы, и покорность: мол, "жизнь ужасна, ничего не поделаешь, но я вот живу и не скулю"... Потрясающий актер... Убегает из дому утром, а возвращается вечером – с виноватым видом и набитым брюхом...

Закуривает и начинает сердито передвигаться по комнате с плитой на спине, напоминающий некое странное существо: огромную бабочку, гигантскую черепаху, неизвестного вида динозавра. Или однокрылый самолет из первых.

АЛЕКСАНДР. Есть собаки, которые находят человека, засыпанного лавиной толщиной в шесть метров, и спасают его! Причем в таких случаях к ошейнику собаки привязывают фляжку с ромом! А нашему псу попробуй – привяжи фляжку с ромом, так он весь ром вылакает... а на лавину и не глянет... побежит гоняться за суками!.. (*Пауза, курит, сердито переступая с ноги на ногу.*) Мы даже собак испоганили!.. Прав был Жан Поль – нам выпала не жизнь, а сплошная выдержка...
Непрерывное долготерпение: терпи рабство, терпи свободу... терпи

себя... других... Где-то люди, возможно, живут, наслаждаясь жизнью, что-то совершают... Мы же терпим... Как подумаю... чего только не натерпелись... И что еще предстоит вытерпеть... Нормальному человеку это и во сне не снилось... *(Пауза.)* Да, этот грабитель, пожалуй, окажется прав во всем... Впрочем, может, он и не грабитель вовсе... а посланец, провозвестник беды?.. Герольд, глашатай худых вестей!.. Черт возьми, вдруг в самом деле я превращусь в таракана?.. *(Пауза.)* Почему-то в голову лезет всякая чепуха!.. А все от этого, от тяжести, которая меня буквально расплющивает! Никогда не думал, что панельная плита такая тяжелая!.. *(Пауза.)* Гм... Пятнадцать минут карабкаться, чтобы усесться на стуле!.. Ужасно!.. Впрочем, зачем мне стул, если можно будет тихо-мирно посидеть под печкой... или под шкафом... *(Пауза.)* А как тараканы занимаются сексом?.. Никогда не задумывался над этим вопросом... Да, пока на голову не свалится беда, некоторыми вопросами вовсе не интересуешься... Одно верно: им не страшен даже ядерный взрыв... *(Пауза.)* Что же получается – без выносливости не обойтись... Ни человеку, ни таракану... *(Пауза.)* Был ли у меня выбор – вот вопрос... Имел ли я возможность выбирать?.. В сущности, нет, у меня никогда не было права выбора... Мог только из двух зол выбрать меньшее... *(Пауза.)* И это называется жизнь?.. *(Пауза.)* А как она прошла?.. *(Пауза.)* Как вспомню, сколько было упущено... Да, он был прав: жизнь – непрерывные и безвозвратные потери... И вот он – я, придавленный этой плитой, задающий себе вопросы... и превращающийся в ... нечто... крылатое, с щупальцами...

Пауза. Александр перемещается по комнате с панельной плитой на спине, он не осознает, что уже сдвинулся со старого места в сторону других стен, что груз

невыносимо тяжел... и так далее. Постепенно и нам следует перестать обращать внимание на этот факт и дальше воспринимать панельную плиту скорее как метафору самой жизни, всего того, чем мы жили, ради чего жили... И из-за чего постепенно превращаемся в некое создание с крылышками и щупальцами...

АЛЕКСАНДР. Был ли все-таки у меня выбор?

НИЯ. Был, конечно. Но ты не любил выбирать. Предпочитал обходиться без этого.

Она появилась в спальне, молодая, сияющая, улыбнулась Александру и села на кровать. Смотрела на него, улыбалась, и в ее улыбке светилась любовь.

НИЯ. Итак, во всем виновата судьба.

АЛЕКСАНДР. Нет, только не ты, почему пришла ты, ты была потом...

Я не думал о тебе... Всегда приходишь ты...

НИЯ (*по-прежнему улыбаясь*). Возможно, думал подсознательно...

АЛЕКСАНДР. Нет, нет, я думал о другом... уходи...

НИЯ (*улыбаясь*). Как тогда... Хотел быть со мной и в то же время не хотел... Боялся осложнений...

АЛЕКСАНДР. Неправда.

НИЯ. Это казалось тебе слишком поглощающим...

АЛЕКСАНДР. Говоришь глупости.

НИЯ. А ведь ты меня любил...

АЛЕКСАНДР. Я не испугался.

НИЯ. Все могло быть по-другому... вся жизнь...

АЛЕКСАНДР. У меня была семья.

НИЯ. Речь идет о тебе.

АЛЕКСАНДР. Ты никогда не понимала.

НИЯ. А что понимать-то?.. Лето, бокал, вино...

Звучит знойная мелодия, один из тех хитов, которые нам кажутся незабываемыми, и которые тем не менее улечиваются с уходом осени...

НИЯ. Ну же... Иди сюда... Давай потанцуем...

Она берет его за руки, выводит на середину спальни, и они начинают танцевать... Вид весьма странный: он с панельной плитой на плечах, она – улыбающаяся, не сводящая с него глаз...

АЛЕКСАНДР (*отстраняется, мелодия замирает*). Для тебя все очень просто.

НИЯ. А ты просто струсил.

АЛЕКСАНДР. Ненавижу, когда ты так говоришь.

НИЯ. Боялся быть верным себе. Тому, чего хотел.

АЛЕКСАНДР. Перестань!..

НИЯ. А потом говоришь, что не было выбора.

АЛЕКСАНДР. Не было.

НИЯ. Выбор всегда есть.

АЛЕКСАНДР. Жизнь отложили на несбыточные времена.

НИЯ. Прекрасное стихотворение, не правда ли?

АЛЕКСАНДР. И я ничего не мог поделать.

НИЯ. Не решался.

АЛЕКСАНДР. Ты всего лишь мысль, и я легко могу избавиться от тебя!

НИЯ. Не можешь.

АЛЕКСАНДР. Нет, могу.

НИЯ. Тогда почему я еще здесь?

АЛЕКСАНДР (*не отвечает, пауза*). Я хотел изучать птиц... любил их с детства... Часами изучал повадки голубей, скворцов, дроздов...

НИЯ. Почему же стал инженером?

АЛЕКСАНДР. Сам не знаю... так получилось...

НИЯ. Ага, не знаешь?

АЛЕКСАНДР. Вырос – и...

НИЯ. Ты даже в мыслях не признаешься... Даже в мыслях...

АЛЕКСАНДР. Уходи!..

НИЯ. Это от меня не зависит.

АЛЕКСАНДР. ...Ладно... Меня заставили... Не то, чтобы заставили... как-то... никто меня и не спрашивал... было решено... само собой...

НИЯ (*насмешливо*). Судьба?

АЛЕКСАНДР. Я не перечил... Уважал мнение семьи... Не был согласен, но не пытался возражать... Не люблю спорить... ненавижу конфликты...

НИЯ. И любишь птиц?

АЛЕКСАНДР. Да, люблю, такой уж я от природы... просто заболеваю, когда...

НИЯ. У меня перехватывает горло, когда я тебя слушаю!..

АЛЕКСАНДР. Тебе этого не понять!.. Да, я мечтал изучать птиц, но в то же время не имел ничего против инженерства... Понимаешь?..

НИЯ (*насмешливо*). Понимаю.

АЛЕКСАНДР. Там я встретил свою будущую жену... (*Пауза.*) ...Я не был тогда пробивным и светским молодым человеком, какие ей

нравились... Но стал... Преобразился... Не мог не оправдать ее ожиданий... разочаровать...

НИЯ (*безнадежно качает головой*). Моя любовь, моя любовь!..

АЛЕКСАНДР. Со мной произошла метаморфоза....

НИЯ. О, какое неслыханное блаженство!..

АЛЕКСАНДР. Она верила в меня.

НИЯ. Эх, надо было мне зарезать черного петуха, бросить желудочек в печную трубу, а лапы связать красной ниткой и прикрепить над дверью!.. Беда бы видела издалека и боялась!

АЛЕКСАНДР. Ненавижу разочаровывать кого бы то ни было...

НИЯ. Или не встречать тебя никогда!..

АЛЕКСАНДР. Я не изменился... никогда не был...

НИЯ. Закрываю глаза и – снова сижу у тебя на коленях, в тот самый проклятый понедельник, в чердачной комнатке моей кухни. Со всем невообразимым мраком снаружи и в душе...

АЛЕКСАНДР. Я правда не хотел...

НИЯ. Кожа и губы... И желтые глаза...

АЛЕКСАНДР. Хотел только... (*Пауза.*)

НИЯ. Полоска на левой руке, шрам на колене... Большой камень под дикой смоковницей...

АЛЕКСАНДР. Я жил, как все...

НИЯ. И заикался, когда врал...

АЛЕКСАНДР. Мы работали... рожали детей... от меня ожидалось, что я стану хорошим отцом, и я стал... И был... Жизнь протекала нормально... Все было хорошо...

НИЯ. А дрозды?

АЛЕКСАНДР (*не понял*). Что?

НИЯ. Дрозды? Что стало с дроздами?

АЛЕКСАНДР. Ах, да... *(Пауза.)* Я все откладывал. Чувствовал – есть нечто важное... смутно догадывался... но все откладывал... Так и не сформулировал... никогда... Сейчас первый раз сказал вслух... впервые говорю об этих вещах...

НИЯ. И для этого я здесь?

АЛЕКСАНДР. Избегал даже думать об этом...

НИЯ. Потому что мы – в поисках другой жизни?

АЛЕКСАНДР. Ты была одним из... Возможным счастьем...

НИЯ. Соловьи, трясогузки, жаворонки...

АЛЕКСАНДР. Все утекло сквозь пальцы, как река... удалось отпить не больше горсти... Грабитель был прав: сплошные, непрерывные утраты...

НИЯ. Скворцы, иволги, дрозды...

АЛЕКСАНДР. Невозвратно... Он сказал – непрерывно и безвозвратно...

НИЯ. Дрозды.

АЛЕКСАНДР. Черт бы его побрал!.. Невозвратно!.. Почему же невозвратно?! Я все ощущаю, помню... юбки твои были накрахмалены, благоухали чистотой, и зелень была белая от луны, и волосы твои...

НИЯ. Паст тенс!..

АЛЕКСАНДР. Что?!..

НИЯ. Было и прошло.

АЛЕКСАНДР. Что было и прошло?

НИЯ. Безвозвратное.

АЛЕКСАНДР. Но я возвращаю!.. И тот камень под дикой смоковницей, и твой мохнатый халатик, и кусты терновника, и тени рыбок на дне...

НИЯ (*безнадежно качает головой*). О, моя любовь, моя любовь!..

АЛЕКСАНДР. Ты сейчас не здесь, не со мной?

НИЯ. Я здесь.

АЛЕКСАНДР. Но больше меня не любишь?

НИЯ. Люблю.

АЛЕКСАНДР. Тогда могу ли я... могу... (*Пауза.*) Ния?

НИЯ. Что, любимый?

АЛЕКСАНДР. Похоже, не могу... правда, Ния?

НИЯ. Естественно, что можешь.

АЛЕКСАНДР. Ты и тогда говорила: "Конечно, можешь. Ты можешь все, стоит только захотеть".

НИЯ. Все так, любимый.

АЛЕКСАНДР. Иногда... очень редко... я задавал себе вопрос... о тебе... Где ты... что делаешь?..

НИЯ. Последний перед наступлением зимы поезд отправляется в семь. Я должна успеть. А там – повалят снега, все заметет. Целых шесть месяцев носа не высунешь.

АЛЕКСАНДР. Известное дело. Для тебя это типично. Куда-то уходит поезд, и ты боишься опоздать. Не представляю, что бы делали без тебя поезда, самолеты, пароходы.

НИЯ. Да, я уезжаю, ты понял?

АЛЕКСАНДР. Естественно, уезжаешь. Ты постоянно куда-то уезжаешь. Сперва с тем французом, в Лаос... Потом, когда с тобой разговаривали, ты была в Австралии, в городе Порт, уезжала в

Кейптаун, в какую-то фирму... что занималась не то чаем, не то индиго... Однажды я случайно встретил твою кузину, ту самую, из чердачной комнатки... четыре года назад... Она сказала, что последнее письмо от тебя пришло из Миннеаполиса, ты уезжала на какие-то озера в Канаду... И чего ты все мечешься?.. Ездишь туда и сюда?.. Почему не остановишься где-нибудь надолго?..

НИЯ. Не знаю.

АЛЕКСАНДР. Не хочешь сказать. Думаешь, не пойму.

НИЯ. Знаю только, что непрерывно твержу в уме: никому не позволяй себя морочить.

АЛЕКСАНДР. Ты даже писала, не ставя знаков препинания. Чтоб не задерживаться. Почему? Что ты ищешь?

НИЯ. Откуда я знаю... вероятно... себя... вероятно... то, что заставит меня остановиться... Не знаю...

АЛЕКСАНДР. Почему мне трудно тебя понять?

НИЯ. Есть другой мир, но он находится в этом. Его нужно распознать. Я читала об этом в одной книге.

АЛЕКСАНДР. Да, я тебя не понимаю. Никогда не понимал до конца. Чувствовал себя Петканом, которого Робинзон знакомит с окружающим миром.

НИЯ. Пятницей.

АЛЕКСАНДР. Что?

НИЯ. Ты чувствовал себя Пятницей. Робинзон дал ему имя Пятница, потому что спас его в пятницу. Вовсе не Петканом. Петкан – изобретение нашего болгарского переводчика.

АЛЕКСАНДР. Ну вот. Не успел и шагу ступить, как понял: кое-какие сведения, известные мне с давних пор, вовсе не то.. По-иному звучат, по-иному используются и ощущаются.

НИЯ. Это и есть способ анализировать.

АЛЕКСАНДР. Допустим, тебе не по душе этот мир, и ты придумываешь другой?

НИЯ. Не придумываешь. Распознаешь свой.

АЛЕКСАНДР. Чувствую себя на двадцать лет помолодевшим...

НИЯ. Всегда четверг, всегда – чердак, и всегда где-то рядом чинят кровлю...

АЛЕКСАНДР. Может, в этом и был залог счастья. Может, надо было...

(Не договаривает.)

НИЯ. Нечетный день, нечетная неделя нечетного месяца. Для чего у человека есть кухни?!...

АЛЕКСАНДР. Кто-то всегда чинил кровлю, и всегда был четверг.

Теперь я вижу в этом формулу счастья. А тогда просто не замечал его.

Не обращал внимания. Было обыкновенно.

НИЯ. Всегда вблизи чинили кровлю...

АЛЕКСАНДР. Ты уже уходишь?

НИЯ. Как ты догадался?

АЛЕКСАНДР. Мысли у меня в голове начали повторяться.

НИЯ. Когда-то в сентябре... желтые, как сера, глаза... *(Целует его.)*

АЛЕКСАНДР. Не уходи!.. Не исчезай!..

НИЯ. Я знаю, где тебя найти...

АЛЕКСАНДР. Ния!..

НИЯ *(с улыбкой)*. В некоторый день, в некотором месяце, в некотором году... Здесь... всегда здесь...

АЛЕКСАНДР (*в отчаянии*). Ния, я превращусь в таракана!.. Я могу стать тараканом!..

НИЯ (*с улыбкой*). Естественно, можешь, любимый!.. (*Уходит.*)

АЛЕКСАНДР (*зовет*). Ния!.. Я люблю тебя!.. Необратимо и безвозвратно!.. Ния, ты слышишь?!.. (*Пауза.*) Ушла... в момент, когда я вспомнил о таракане, она ушла...

Он медленно переступает с панелью на плечах и останавливается на том самом месте, где стоял вначале, подперев панельную стену спиной... Стоит молча...
Пауза.

АЛЕКСАНДР. Интересно, а тараканы друг с другом разговаривают... делятся секретами?.. Вероятно, общаются... по-своему... Передают наблюдения... сигналы об опасности... А они осознают, что... что они... Нет, уделять столько времени каким-то... насекомым – это уж слишком... Да, насекомым... насекомое – звучит благозвучнее, чем инсект... И если приходится в кого-то превращаться, то уж лучше в насекомое... Ведь есть немало симпатичных насекомых... скажем, та же пчела... (*Скептически.*) Но пчелой я, естественно, не стану, любой – только не я... Кто угодно мог бы стать, я же автоматически превращусь в таракана... Мне с детства так... не везет... Некоторые люди становятся кем вздумается – запросто, без всяких усилий, нередко даже сами не замечают как, я же медленно, мучительно загибаюсь под этой панелью... (*Пауза.*) По-моему, с жалобами у меня вышел перебор... Надо знать меру... Я уверен, бывает и хуже... Не стоит искушать судьбу... Кто-нибудь да придет... Как пить дать... Не могут не прийти... Вероятность, что никто не придет, слишком

ничтожна... Практически равна нолю... Ведь раньше приходили...
Почему бы не прийти и сейчас... Ни к чему нарушать традицию...
Уверен, это всего лишь вопрос времени... Кто-нибудь уже идет, двух
мнений не может быть... Просто, им нужно время, чтобы прийти... Нет,
лучше думать о другом... Сосредоточиться на другом... Предоставить
возможность друзьям прийти... дай им время... *(Пауза.)* Думай о чем-
нибудь отвлеченном... *(Пауза.)* Почему бы, черт возьми, мне и впрямь
не задуматься об отвлеченном!.. А то я все думаю о... Жизнь-то уже
позади, а я ведь ни разу не задумался об отвлеченном... Ни разу...
Хотя бы раз подумал... попытался... разобраться... *(Пауза.)* Вся жизнь
в ожидании... жизни... И... *(Пауза.)* Нет, никто не придет!.. Друзья
давно перестали быть друзьями... Без видимой причины, все вроде бы
осталось прежним, но постепенно звонки друг другу прекратились,
встречи тоже, мы теперь видимся только случайно и при этом ведем
себя так, словно ничего не произошло... На Рождество посылаем друг
другу открытки... Разговариваем по телефону, если кому-нибудь что-
то понадобится... Но мы уже не друзья... Может, я тоже перестал уже
быть кому-то другом... Вероятно... Возможно, просто не замечаю
этого... Я инертный, безинициативный... *(Пауза.)* Да, я действительно
мечтаю быть лужей... Лежишь и смотришь в небо... Созерцаешь...
Весь прозрачный... Лежишь без движения, не разговариваешь, ничего
не делаешь. Не думаешь. Подует ветер – покроешься бороздками... А
может, и не покроешься... все зависит от ветра... под каким углом
дует... Луже хорошо – от нее ничего не зависит. Просто существует, и
ни до чего ей нету дела. Идеальное положение. Быть ни в чем не
виноватым... ни за что не отвечать... Никто тебя не топчет... Лежишь
и смотришь в небо... Пролетела кукушка... Падает снег...

Покрываешься тонкой коркой льда... В нем отражаются облака, а выглянет солнце – весь засверкает... Ни памяти у тебя, ни планов на будущее... Идеальное положение... *(Пауза.)* Если эта ужасная тяжесть и дальше будет меня давить... если никто не придет... если... о, наконец-то я близок... очень даже близок к мысли, что... нужно предпринять решительные меры... такие, чтобы... Но какие именно?.. *(Пауза, думает.)* Черт возьми, ничего не приходит в голову, я не в состоянии все круто изменить!.. Никогда не был!.. Решительным!.. *(Пауза.)*

ВЛАДИМИР. Если у кого-то на шее висит бутылка с коньяком и уши обвисли, и он воет, то это не означает, что перед вами непременно собака сен-бернарской породы!.. Возможно, перед вами я!!..

Владимир, двадцатичетырехлетний сын Александра, входит, отвешивая эффектные поклоны, развязно подражая тому, как в давние времена кланялись французские аристократы: с церемонными расшаркиваниями, реверансами, взмахами рук... Он в костюме мима, на лице следы грима, вместо галстука с шеи свисает бутылка коньяка. По тому, как молодой человек кланяется, видно, что он сильно пьян, но старается делать вид, будто у него ни в одном глазу. А сам сильно пошатывается и, при выполнении сложных фигур и поклонов время от времени теряет равновесие. Однако, ценой невероятных усилий удержавшись от падения, каждый раз берет себя в руки и продолжает в том же духе... Правда, при этом ему каким-то образом удается держаться в рамках приличия, избегать отвратительного пьяного кривлянья...

АЛЕКСАНДР. Владимир!..

ВЛАДИМИР *(перестает кланяться)*. Пришлось повесить бутылку с коньяком на шею, а то все время разливается... *(Шатается.)* Бутылка-

то падает... А так – стабильно, держится... (*Сваливается сам.*) В отличие от меня... Шнур достаточно длинный, чтобы... чтобы... (*Лежа, шарит руками по полу, нащупывает бутылку и пьет.*) ...выпить... Я не роняю ее... просто она падает... (*Хлопает по бутылке ладонью.*)

АЛЕКСАНДР (*ужасается*). Владимир!.. Да ты пьян!..

ВЛАДИМИР (*с трудом поднимается, некоторое время сохраняет равновесие, потом опять едва не падает, но выпрямляется и только изредка пошатывается.*) Нет!..

АЛЕКСАНДР. Как – нет?!

ВЛАДИМИР. Я не пьян!.. Я м е р т в е ц к и п ь я н!..

АЛЕКСАНДР (*с отчаянием*). Господи! Этого мне только не хватало!..

ВЛАДИМИР (*вдруг совершенно отрезвевший, ни малейшего намека на предыдущее поведение*). Исполнение было так себе, но для поддержания формы годится!.. (*Исполняет еще один краткий пластический этюд.*)

АЛЕКСАНДР. Из тебя, как я вижу, не получится инженер?

ВЛАДИМИР. Нет. (*Исполняет еще один краткий этюд.*)

АЛЕКСАНДР. Я это понял еще тогда, когда ты сказал, что хочешь пройти по канату над Ниагарой.

ВЛАДИМИР. Нашей семье не хватает канатоходца.

АЛЕКСАНДР. И ты что же – ходишь по канату?

ВЛАДИМИР. В принципе я мим.

АЛЕКСАНДР. Мим?

ВЛАДИМИР. Да, я участвую в пантомимах. Отчасти из-за языка, отчасти по причине врожденного отвращения к словам. Предпочитаю молчание.

АЛЕКСАНДР. Мим.

ВЛАДИМИР. Я стал мимом не сразу. Сменил не одно занятие до того как встать на канат. Был швейцаром, выгуливал лисиц, сажал деревья... Поработал и на судне...

АЛЕКСАНДР. Значит, встал на канат?

ВЛАДИМИР. Оказывается, у меня врожденное чувство баланса, я его унаследовал от тебя. И превратил в профессию.

АЛЕКСАНДР. Ты что – меня упрекаешь?

ВЛАДИМИР. Я только объясняю, что это накрепко заложено во мне. Мой самый живучий инстинкт. Я инвестировал в баланс, вложил в него весь свой капитал и не прогадал. Это очень мощный ресурс.

АЛЕКСАНДР. Я не был из ряда вон выходящим. Не знал ни безумных страстей, ни навязчивых идей. Не мог себе позволить. Нет ничего труднее как быть вполне обычным.

ВЛАДИМИР. Было что-то почти неестественное в твоём продвижении... точно по середине... всегда прямо... как по ниточке... Ни разу не сбившись... По самому центру в середине...

АЛЕКСАНДР. Потому что в этом спасение.

ВЛАДИМИР. Ни разу не зашатался.

АЛЕКСАНДР. А только так... и можно было поставить на ноги детей... И сносно существовать...

ВЛАДИМИР. Я это говорю как профессионал.

АЛЕКСАНДР. А иногда – и чтобы уцелеть.

ВЛАДИМИР. С известной завистью.

АЛЕКСАНДР. Должен тебе сказать: мне приходилось идти над Ниагарой, которая гораздо страшнее твоей. Нет более страшной

Ниагары, чем обычная жизнь. По которой приходится идти не два часа, а до конца дней.

ВЛАДИМИР. Как подумаю – а ведь ты был важной птицей.

АЛЕКСАНДР. Я был ответственным. Просто был ответственным.

ВЛАДИМИР. Говорю, глядя на вещи изнутри. Как человек, который знает в этом толк...

АЛЕКСАНДР. Не более того – ответственным.

ВЛАДИМИР. У меня, безусловно, тоже есть свои небольшие достижения... Когда не просто идешь по канату, а исполняешь на нем пантомиму, номер пользуется успехом... тебя приглашают чаще других... Этюды, естественно, простые... Речь не идет о "Короле Лире"... Иногда я беру с собой на канат контрабас... что-нибудь наигрываю... вроде доброго старого блюза...

АЛЕКСАНДР. Но ты ведь никогда ни на чем не играл.

ВЛАДИМИР (*поясняет*). Со смычком очень прикольно балансировать... И самим корпусом, конечно, тоже... Одна из тонкостей профессии...

АЛЕКСАНДР. Ты ведь уехал только ради университета.

ВЛАДИМИР. Вторая – быть сосредоточенным. Меня научила этому миссис Фишберн, у которой я выгуливал лисиц. Концентрируйся, твердила мне она... знаю, что тебе трудно... ведь там, откуда ты приехал... Но, если не научишься концентрироваться, ничего у тебя не получится... Здесь добиваются успеха только самые собранные... И если кто-то преуспел, значит, он собраннее других...

АЛЕКСАНДР. И пропал. Бесследно исчез.

ВЛАДИМИР. Есть, безусловно, и другие тонкости.

АЛЕКСАНДР. А потом появилось то объявление в газете. Выходило целый месяц, изо дня в день.

ВЛАДИМИР. Но ты его знаешь назубок.

АЛЕКСАНДР. Я уверен, это дело твоих рук. "Продаю тесную комнату, детство, юность, гобелен, повернутый лицом к стене, симпатичного отца с несметным количеством передних зубов. Отца можно за полцены. Монреаль, Квебек, Канада, почтовый ящик 215675 МХ, до востребования". Я писал, но письма приходили обратно. С огромными красными штемпелями: "Адресат неизвестен", "Указанное лицо по данному адресу не значится", "Почтовый ящик адресатом не арендован".

ВЛАДИМИР. Пропущено самое главное: о возможном нежелании адресата. Ведь ящик-то был "до востребования".

АЛЕКСАНДР. Я был уверен, что это ты. Ниагара-то в Канаде.

ВЛАДИМИР. Там где я бывал, канатоходцы в большом почете. Можно сказать, их буквально носят на руках. А я на канате выгляжу что надо: статный, глаза словно жар, припорошенный пеплом, в отутюженной, как на массовом убийце, белой рубашке, с контрабасом в руках!..

Ничего не скажешь – круто!.. Стоит посмотреть!..

АЛЕКСАНДР. Ни разу не написал ни слова.

ВЛАДИМИР. А в свободное время я предавался единственной страсти – уничтожению слов. Каждый день по одному. Сажусь, наглухо закрываю окна, задергиваю шторы... Не спешу... Всматриваюсь пристально, почти со сладострастием, отпиваю глоток виски и вычеркиваю из памяти!.. Напрочь забываю. Больше не употребляю. Словно никогда и не слышал такого. В одних случаях это удается, в других – победа оказывается временной, проходит месяц или больше, и

слово возникает вновь... Но я забываю его опять... Это я вычитал в книге одного придурка... Будто для меня написанной... я весь прогнил от многословья... Конечно же, до абсолютного безмолвия, до тишины еще бесконечно долго... Но я продвигаюсь...

АЛЕКСАНДР. Спору нет, я не был вдохновляющим примером... Безусловно, не был... Все случилось без меня... Я всегда отсутствовал... При всех событиях... Считал, что поступаю правильно выбирая невмешательство, считал, что нет выбора... Да, нельзя сказать, что это было для тебя воодушевляющим... тут я с тобой согласен... Но ты как будто растаял в воздухе...

ВЛАДИМИР. На тебя не производит впечатления?.. Мы с тобой никогда не говорили так долго. За двадцать лет мы не сказали друг другу и четверти того, что сказано сейчас.

АЛЕКСАНДР. Бесследно. Не оставил ни малейшего следа. Исчез – и все.

ВЛАДИМИР. Словами, которые пока еще уцелели, я пишу тебе письма. Они все короче, в них все меньше слов. Не знаю, что заставляет меня писать, предполагаю, это пресловутый зов крови, пресловутые коды, передаваемые из поколения в поколение, пресловутые нуклеиновые кислоты... Я уделяю этим письмам много времени... Берегу силы, покупаю самую лучшую бумагу, какую только в состоянии найти... Сажусь за стол и пишу... Закрываю их в бутылки из-под коньяка. Бутылки не бросаю никуда – ни в какие реки, ни в какие моря, а ставлю в комнате... Когда не останется места, сниму еще одну. И, как я предполагаю, полностью избавлюсь от всего только тогда, когда придется снять третью комнату. Тогда я, может быть, смогу родиться заново.

АЛЕКСАНДР. Не уходи!..

ВЛАДИМИР. Помнишь, когда я был маленький, у нас был песик, безхвостый. Я возился с ним все дни напролет, и ты решил от него избавиться. Отвез его к одним родственникам на другой конец города. А утром он прибежал обратно. Ты сел в поезд и отвез его на другой край страны. Через три дня песик сидел перед нашей дверью. Так продолжалось долго: куда бы ты его ни отвозил, он возвращался. Снова и снова. Всегда. Я на него похож. Молчу, но всегда возвращаюсь. Отовсюду. Ночью преодолеваю расстояние и к утру – стою перед нашей дверью. Не знаю, зачем. Я не хочу. Но я там. Открывай ее осторожно.

АЛЕКСАНДР. Владимир!..

ВЛАДИМИР. По утрам открывай дверь осторожно.

Он идет через комнату, будто по канату, пошатывается, сохраняет равновесие при помощи протягиваемых вперед и в стороны рук, идет, словно под ним шумит Ниагарский водопад, глядя вверх и вперед, и так выходит из комнаты...

АЛЕКСАНДР. Ушел... Я не смог его удержать... даже в мыслях...

Идет над своим водопадом... Черт возьми, у меня больше нет сил... больше не выдерживаю... До сих пор терпел, но дольше не в состоянии... Все терпел... Как таракан... который жил жизнью человека... который воображал себя человеком или которому сильно хотелось быть таким... Не знаю... Во всяком случае, я так жил, и теперь пора вернуться к истинной сущности... к своей сущности... Скворушка мой, с верхушки розового куста, дрозд, всю жизнь не дававший мне покоя, как засевшая в горле кость, жаворонок над

деревом, – прощайте! И моя любовь, и ты, мой сын, где бы вы ни были, живые или мертвые, прощайте!.. Прощайте, я уйду в проломы, трещины, щели...там мое место... Все кончено... Кончено со словами, объяснениями, улыбками, со всем... Кончено с людьми... Буду сидеть в облюбованном укрытии, в трещине, один среди тишины, тихонько... И давайте больше не будем говорить... не будем говорить... (Пауза.)

Тишина. Свет медленно гаснет, очень медленно, словно участвует в метаморфозе, в превращении Александра в таракана, под конец задерживается только на его лице... Словно он уже залез в укрытие, во тьму трещин и щелей... Тишина... Тишину резко пронизывает звонок телефона... Звонок повторяется... Включается телефонный автоответчик... Слышится голос жены Александра...

ГОЛОС. Саш!.. А Саш!.. Сними трубку!.. Что с тобой?! Алло, Саш, ты меня слышишь?!.. Саш, отзовись!..

АЛЕКСАНДР. Нет никого. Только опустелый дом.

ГОЛОС. Саш!!!..

Александр молчит, телефонный автоответчик выключается. Тишина. Луч света озаряет только лицо Александра, его глаза и нос, словно сквозь узкий пролом, трещину, щель... А потом внезапно, как от удара, исчезает. Кромешный мрак.

К о н е ц